СТИВЕН

КИНГ

ПОСЛЕ ЗАКАТА

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Комментарии, в которых Кинг рассказывает, что послужило толчком к написанию каждого рассказа, и условия этого написания.

- Стивен Кинг
  -
  - Уилла
  - Гретель
  - Сон Харви
  - Стоянка
  - Велотренажер
  - Вещи, которые остались после них
  - После выпускного
  - Н
  - Кот из ада
  - «Нью-Йорк таймс» по специальной цене
  - Немой
  - Аяна
  - Взаперти
- notes
  - 1
  - 2

Стивен Кинг
Комментарии к «После заката»

Есть мнение, что подобные комментарии в лучшем случае излишни, в худшем — сомнительны. Мол, если рассказ нуждается в каких-то объяснениях, это не очень хороший рассказ. Я с этим не спорю, оттого и помещаю свои заметки в конце книги (кроме того, я не хочу кричать на каждом углу «Спойлер!» — этим словечком в основном щеголяют испорченные люди[1]). Почему я все-таки решил их написать? Потому что многим читателям нравятся авторские комментарии. Они хотят знать, что подвигло автора на написание рассказа или о чем он думал, пока сочинял. Ваш покорный слуга и сам не всегда знает ответы на эти вопросы, но предлагает читателю познакомиться с некоторыми мыслями, представляющими определенный интерес.

Уилла

Допускаю, это не лучший рассказ в книге, но мне он очень дорог, ведь именно с него начался новый период моего творчества — что касается рассказов по крайней мере. Остальные я написал уже после «Уиллы» и довольно быстро (меньше чем за два года).

Одно из главных преимуществ фантастики заключается в том, что она позволяет писателям представить, что будет, когда мы покинем этот бренный мир. В сборнике два таких рассказа (второй — «Нью-Йорк тайме» по специальной цене»). Меня воспитали в рамках методизма, и хотя я давно отказался от строгого соблюдения религиозных предписаний, в одном я убежден: наша душа не умирает вместе с телом. Не может быть, чтобы такие сложные, удивительные существа в конце концов просто исчезали (или я не хочу в это верить). А вот *какой* будет загробная жизнь… Я не узнаю, пока не посмотрю сам. Догадываюсь, что моя душа будет сбита с толку и не сразу примирится со своим новым состоянием. Надеюсь, что любовь сильнее смерти (да, я романтик, можете швырять в меня тухлые помидоры). Если это так, то любовь, наверное, растеряется.», и ей станет немножко грустно. Когда я думаю о любви и грусти, то включаю кантри: Джорджа Стрейта, «BR549», Марта Стюарта и… «Сошедших с рельсов», В рассказе играют именно они — думаю, им теперь светит *очень* долгий контракт.

Гретель

Часть года мы с женой живем во Флориде, неподалеку от барьерных островов Мексиканского залива. Там много больших особняков: старых и благородных или, наоборот, чересчур новомодных. Пару лет назад мы с другом гуляли по одному такому острову. Мой друг указал на вереницу особняков и сказал: «Представляешь, они пустуют по шесть-восемь месяцев в году!» Я представил… и решил, что из этого выйдет чудесный рассказ. Завязка была простая: злодей бежит за девушкой по пустому пляжу. Вот только рано или поздно даже самым быстрым бегунам предстоит сразиться с врагом один на один. Ну и еще мне близки истории, в которых важны мелкие подробности. Здесь их полным-полно.

Сон Харви

По поводу этого рассказа я могу сказать только одно, поскольку больше ничего не знаю (и, вероятно, остальное не имеет значения): он пришел ко мне во сне. Я написал его в один присест: просто перенес на бумагу то, что уже было рассказано, В сборнике есть еще одна история, которая мне приснилась, но о ней я могу сказать чуть больше.

Стоянка

Однажды вечером, шесть лет назад, я читал свою книгу в одном университете Сент-Питерсберга. Читал я до поздней ночи, домой поехал по трассе Флорида — Тернпайк и остановился отлить в придорожном туалете. Если вы уже прочли рассказ, то представляете себе это здание, похожее на корпус тюрьмы усиленного режима. В общем, подойдя к мужскому туалету, я услышал, как в женском громко скандалит какая-то парочка. Голоса у них были злые и раздраженные: еще немного и подерутся. И что тогда? Как мне поступить? Я подумал: «Призову на помощь своего внутреннего Ричарда Бахмана. Он круче меня». Но парочка вышла на улицу, так и не подравшись, хотя женщина плакала. А я спокойно уехал домой и несколько дней спустя написал этот рассказ.

Велотренажер

Если вы когда-нибудь занимались на таком, то знаете, что это тоска смертная. Вернуться к ежедневным занятиям бывает *очень* трудно (мой девиз: «Наедаться проще!», но да, я стараюсь поддерживать форму). Этот рассказ — плод моей ненависти не только к велотренажерам, но и ко всем беговым дорожкам и велоэллипсоидам, вместе взятым.

Вещи, которые остались после них

Как и любой житель Америки, я был глубоко потрясен трагедией 11 сентября. Как и многие писатели самых разных жанров, я не хотел говорить *ничего* по поводу события, ставшего для Штатов таким же пробным камнем, как Перл-Харбор или убийство Джона Кеннеди. Но в жизни я все-таки *пишу рассказы,* и этот пришел мне на ум через месяц после падения Башен-Близнецов, Возможно, я так бы его и не написал, если бы не припомнил разговор, который состоялся почти двадцать пять лет назад между мной и одним редактором еврейской национальности. Ему пришлась не по душе моя повесть «Способный ученик». Он считал, раз я не еврей, то не имею права писать о концлагерях. Я же, напротив, видел в этом суть своей работы. Написание книги — это акт сознательного проникновения в чужие мысли и чувства. Как и все американцы, видевшие тем утром охваченное огнем нью-йоркское небо, я хотел понять как само событие, так и шрамы, неизбежно оставшиеся после него. Пытаясь это сделать, я написал рассказ.

После выпускного

Спустя четыре года после аварии 99-го я начал принимать антидепрессант, который назывался доксепин — нет, я не страдал от депрессии (хмуро проговорил он), доксепин должен был помочь мне избавиться от хронических болей. Так и случилось, но в ноябре 2006-го, поехав в Лондон на презентацию романа «История Лизи», я понял, что пора завязывать. Даже не посоветовавшись с врачом, прописавшим мне «Доксепин», я просто взял и бросил принимать это лекарство. Побочные эффекты были… любопытные[2].

Примерно с неделю, закрывая ночью глаза, я видел красивейшие панорамные кадры, как в кино: леса, поля, мосты, реки, заборы, рельсы, дорожных рабочих, размахивающих кирками и лопатами… Картинки мелькали одна за другой, пока я не засыпал. Никаких сюжетов к ним не прилагалось. Мне даже стало грустно, когда они перестали меня посещать. Еще я увидел несколько необычайно ярких постдоксепиновых снов. Один из них — огромный ядерный гриб над Нью-Йорком — и стал темой моего очередного рассказа. Я написал его, хотя знал, что этот образ использован в сотне фильмов (не говоря уже о сериале «Иерихон»), потому что сон показался мне документально-безразличным. Я проснулся с колотящимся сердцем и мыслью: «Это вполне может случиться. Рано или поздно это *наверняка* произойдет». Как и со «Сном Харви», я скорее писал этот рассказ под диктовку, нежели сочинял.

Н

Это самый свежий рассказ в сборнике и публикуется впервые. Я написал его под впечатлением от повести Артура Мейчена «Великий бог Пан». Несмотря на довольно неуклюжий слог, эта книга (совсем как «Дракула» Брэма Стокера) бьет читателей по самым слабым местам. Сколько бессонных ночей она вызвала? Точно не скажу, но парочка из них пришлась на мою долю. Мне кажется, «Пан» — ужас в чистом виде, недостижимый идеал для любого автора, пишущего в этом жанре, и все мои собратья по перу должны так или иначе затронуть эту тему: реальность тонка и неуловима, а *настоящая* реальность за ней — бесконечная бездна, полная чудищ. Взяв за основу идею Мейчена, я написал о синдроме навязчивых состояний, которым в той или иной степени страдает каждый человек (все мы хоть раз в жизни да возвращались домой, подумав, что забыли выключить утюг или плиту). Навязчивые мысли и необъяснимая тревога — обязательные составляющие любой страшной истории. Попробуйте вспомнить хоть одну удачную страшилку, в которой не было бы идеи о возвращении к ненавистному и пугающему. Самый очевидный пример — рассказ Шарлотты Перкинс Гилман «Желтые обои». Если вы читали его в университете, вас наверняка учили, что это феминистское произведение. Но это еще и история о разуме, погибающем под гнетом навязчивых мыслей. В «Н.» я постарался написать о том же.

Кот из ада

Если бы в «После заката» было что-то вроде потайного трека, как на некоторых музыкальных дисках, это был бы рассказ «Кот из ада». Тут я должен поблагодарить свою бессменную помощницу, Маршу де Филиппо. Я рассказал ей о новом сборнике рассказов, и она спросила, почему бы не включить в него «Кот из ада», написанный еще в ту пору, когда я работал для мужских журналов. В 1990-м по нему сняли «Сказки темной стороны: фильм». Я ответил, что рассказ наверняка выходил в моих прежних сборниках, но Марша продемонстрировала мне все оглавления, и его нигде не было. Что ж, теперь он наконец выходит в твердой обложке, спустя тридцать лет после того, как его напечатали в журнале «Кавалер». Кстати, с публикацией вышла забавная история. Тогдашний редактор «Кавалера», Най Вильдэн, прислал мне фотографию шипящего кота. Поражала в этом снимке не столько кошачья ярость, сколько необычный раскрас морды, поделенной ровно пополам: одну часть покрывал белый мех, другую — черный. Най хотел устроить конкурс рассказов. Он попросил меня написать первые пятьсот слов, а читатели должны были сочинить продолжение, и лучший рассказ вышел бы в следующем номере. Не помню, когда опубликовали мою версию — вместе с рассказом победителя или позже, — но с тех пор она вошла в несколько антологий.

«Нью-Йорк таймс» по специальной цене

Летом 2007-го я прилетел в Австралию, взял напрокат «харлей-дэвидсон» и проехал на нем от Брисбена до Перта (ну… часть пути через пустыню байк пролежал в багажнике «тойоты-лэндкрузер» — тамошние дороги вроде трассы Ган-Бэррел очень походят на те, какие должны быть в аду). Хорошая вышла поездка; у меня было много приключений, и я вдоволь наглотался пыли. Но врагу не пожелаешь бороться с разницей во времени после двадцатичасового перелета. В самолетах я не сплю — не могу, хоть убей. Когда рядом возникает стюардесса с пижамой, я осеняю ее крестным знамением и прошу уйти. Приехав в Оз после перелета из Сан-Франциско в Брисбен, я надел глазную повязку, проспал десять часов и проснулся свежий, как огурчик. Загвоздка была в том, что в два часа ночи по телевизору ничего не показывали, а книжку я дочитал еще в самолете. К счастью, я захватил с собой блокнот. К рассвету этот рассказ был готов, и я поспал еще два часа. Рассказ должен развлекать не только читателя, но и писателя — таково мое мнение, мы будем рады выслушать ваше.

Немой

В местной газете мне попалась заметка о секретаре, которая растратила шестьдесят пять тысяч долларов из школьного бюджета на лотерейные билеты. Первым делом мне пришел на ум вопрос: интересно, как отреагировал ее муж? И я написал об этом рассказ. Он напоминает мне об «отравленных» конфетах, которыми я еженедельно угощался за просмотром сериала «Альфред Хичкок представляет».

Аяна

Тема загробной жизни, как я говорил ранее, не устает вдохновлять писателей фантастики. Бог — в любой из возможных ипостасей — еще одна расхожая тема фантастических произведений. Самые распространенные вопросы о Боге: почему кто-то живет, а кто-то умирает, почему одни выздоравливают, а другие нет? Я задал себе этот вопрос, когда после аварии очнулся в больничной палате. Сядь я хоть на несколько дюймов левее, меня бы уже не было (с другой стороны, сядь я правее, то вообще отделался бы испугом). «Это чудо!» — говорим мы, когда кто-то случайно выживает. «Это воля Божья» — слышится, когда кто-то гибнет. Чудесам нет рационального объяснения, как нет способа понять Божью волю — он, если и существует, может интересоваться нами не больше, чем я интересуюсь микробами на своей коже. Но чудеса все-таки случаются; каждый новый вдох — это чудо. Реальность тонка, но не всегда мрачна. Я не хотел писать об ответах, я написал о вопросах. И предположил, что чудо может быть не только благословением, но и тяжкой обузой. А может, это все чушь. Но рассказ мне нравится.

Взаперти

Все мы иногда пользуемся придорожными биотуалетами — взять хоть поездки по трассе Тернпайк посреди лета, когда Управление шоссейных дорог выставляет на трассах дополнительные уборные, чтобы справиться с потоком путешественников (я пишу эту строчку и улыбаюсь ее «туалетному» звучанию). Господи, ничто не сравнится с раскаленной туалетной будкой жарким августовским днем! Теплая, как поджаренный хлеб, и запах *божественный.* Откровенно говоря, в биотуалетах я всегда вспоминаю рассказ Эдгара По «Преждевременное погребение» и думаю, что будет, если будка перевернется, а вокруг ни души. В конце концов я сочинил этот рассказ — с той же целью, что и остальные неприятные рассказы, мой Постоянный Читатель: передать тебе то, что пугает меня. Не удержусь и отмечу, что, работая над ним, я получал прямо-таки ребяческое удовольствие.

Даже себя выругал.

Ну…

Немножко.

На этом я тепло с вами прощаюсь — будем надеяться, не навсегда. Если чудеса не переведутся, мы еще встретимся. А пока: спасибо, что прочли мои рассказы! Очень рад, если хотя бы один из них на несколько минут лишил вас сна. Берегите себя и… кстати! Вы плиту выключили? А газ в печке для барбекю? Заднюю дверь заперли? Ручку на всякий случай дернули? Забыть такое нетрудно; вдруг прямо сейчас кто-то ломится в ваш дом. Какой-нибудь псих. С ножом. Тут уж плевать, синдром навязчивых состояний у вас или нет…

Лучше перепроверить, не так ли?

Стивен Кинг,

8 марта 2008-го.

notes

Примечания

1

От глагола «to spoil» — «портить» (*англ.*); спойлер — предупреждение о том, что в тексте может встретиться информация (например, о ключевых поворотах сюжета), которая испортит читателю удовольствие от еще не прочитанной книги.

2

Уверен ли я, что их вызвало внезапное прекращение приема доксепина? Нет. Как знать, вдруг во всем виновата английская вода. — *Примеч. автора.*